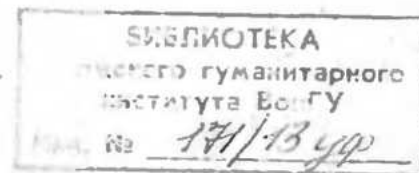

А. Л. ШАПИРО

65
1123

**РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО 1917 г.**

Учебное пособие

АССОЦИАЦИЯ «РОССИЯ»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КУЛЬТУРА»
1993

УЧЕБНЫЙ
АБОНЕМЕНТ

Написанные указанными историками после первой русской революции монографии в свою очередь представляли немалую ценность.

В советской историографии последних десятилетий справедливо отмечается противоречивость и неоднозначность буржуазной философии истории, подчеркивается невозможность ограничиться ее негативной оценкой. Тем более это относится к конкретно-историческим исследованиям³¹. Таким образом, тезис о кризисе буржуазной историографии начала XX в., который на протяжении десятилетий проводили в своих работах советские исследователи, вряд ли соответствует современному пониманию и осмыслению развития в России исторической науки. От этого устаревшего, неверного по существу тезиса следует отказаться.

Лекция 41

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ

Выдающуюся роль в развитии исторической науки сыграл Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918). Его заслуга состоит в том, что своими трудами он способствовал распространению марксизма в России и за ее пределами. Тщательному разбору и решительной критике подверг Г. В. Плеханов позитивизм, субъективную социологию и другие идеалистические теории. Он опровергал мнения ученых, пытавшихся вывести законы общественного развития из человеческой природы, и ученых, отстаивавших теорию факторов¹.

Книги выпущены издательством Сытина. В обоих изданиях хорошо подобран иллюстративный материал.

³¹ В работе, изданной в 1962 г., мы тоже пользовались термином «кризис буржуазной историографии» в приложении ко всему периоду империализма, хотя и предостерегали от упрощенного понимания этого кризиса (Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 135).

¹ См. с. 535, 536 и др. настоящей книги.

Последовательно и убедительно он выступал против теории саморазвития идей и других теорий, покоившихся на утверждении, что мнения правят миром. Большое значение имели выступления Плеханова против распространившихся в историографии конца XIX и начала XX в. взглядов риккертанцев и махистов.

В своих произведениях «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории», «Очерки по истории материализма», «К вопросу о роли личности в истории» и других Плеханов в яркой, доступной форме пропагандировал идеи К. Маркса. Он дал марксистское истолкование таких важнейших для исторической науки проблем, как взаимодействие базиса и надстройки, общественные классы и классовая борьба, роль личности в истории и т. д.

Но Плеханов вошел в историю исторической науки не только как выдающийся пропагандист марксизма и крупный философ и социолог. Во многих его трудах освещалась история России, русской общественной мысли.

Политическую и научную биографию Г. В. Плеханова можно разделить на три периода. Первый — народнический период начался в середине 1870-х годов и закончился в начале 1880-х годов. О втором периоде (1883—1903 гг.) В. И. Ленин писал: «За 20 лет... он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»². В конце 1903 г. начинается последний, меньшевистский, период в биографии Г. В. Плеханова; в эти годы он также выступал против ревизионизма и ликвидаторства, создал ряд ярких научных и публицистических произведений. В своих первых марксистских трудах Плеханов писал, что за пределами крупных промышленных центров можно наблюдать лишь процесс капиталистического накопления, а не капиталистического производства. По его мнению, в стране еще шел «процесс постепенного охватывания нашей национальной промышленности мануфактурой»³. Уже после выхода в свет книги

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 222.

³ Плеханов Г. В. Соч.: В 24 т. М.; Пг.; Л., 1923—1927. Т. II. С. 225, 359.

В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» Г. В. Плеханов писал в проекте программы для II съезда партии, что «капитализм... становится преобладающим способом производства».

Но независимо от его оценок уровня капиталистических отношений в России Плеханов много сделал для установления правильного взгляда на пореформенный период как на период развития в стране капитализма.

Придя к выводу, что пролетариат является самой могучей из создаваемых историей новых общественных сил, Плеханов обратился к истории рабочего движения. В работе «Русский рабочий в революционном движении», написанной в начале 1890-х годов, он привел интересный материал о Казанской демонстрации 6 (18) декабря 1876 г. и участии в ней рабочих, стачечной борьбе на фабриках и заводах в 1870-х годах, «Северном союзе русских рабочих» и Стенане Халтурине, работе революционеров-народников в рабочей среде. «Русский рабочий в революционном движении», написанный в основном по личным воспоминаниям, является одним из ценных памятников мемуарной литературы конца XIX столетия. Живое описание событий, яркие портретные зарисовки передовых рабочих передают «аромат» эпохи, который всегда чувствуется в лучших произведениях мемуарной литературы.

Кроме того, в работе «Русский рабочий в революционном движении» содержался исторический анализ и историческая оценка описываемых событий, было отмечено, что уже в 1870—80-х годах русские рабочие внесли в освободительное движение значительно больше сил, чем «наши милые, добрые, развитые, гуманные, образованные, но решительно никуда не годные либералы». По наблюдениям автора, некоторые рабочие уже в 1870-е годы видели слабые стороны народничества⁴.

Мастерское описание событий рабочего движения 1870-х годов, марксистский анализ этих событий и основанное на нем историческое предвидение позволяют высоко оценить плехановский труд, особенно если учесть, что он был написан тогда, когда литературы

⁴ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 204—205.

по истории рабочего движения в стране еще не существовало или почти не существовало. Плеханов, в сущности, положил начало историографии русского рабочего революционного движения.

Познакомившись с марксизмом, Плеханов, пересмотрел свои старые представления о крестьянстве. Он отказался от веры в извечные коммунистические инстинкты русских крестьян и от надежды на их бунт по призыву интеллигентов-агитаторов. Взгляды на крестьянство, которых Плеханов придерживался в 1883—1903 гг., не содержали в себе представления о революционной роли крестьян буржуазной революции⁵.

Плеханов писал, что до появления пролетариата в России, собственно, не было народа, а были, по выражению А. И. Герцена, «коленипреклоненная толпа и палач». Он отмечал, что «страдающая крестьянская масса совершенно лишена самостоятельности»⁶. Подчеркнем, что Плеханов говорил не о недостаточной организованности, а именно об отсутствии всякой самостоятельности.

Заметим, что в определенном противоречии с этим тезисом находились взгляды Плеханова (в 1883—1903 гг.) на крестьянские восстания. Он признавал, что массовые крестьянские волнения заставили Александра II провести реформу сверху, не дожидаясь, пока она будет проведена снизу. В работах «Наши разногласия» (1884 г.) и «Чернышевский и его время» (1894 г.) Плеханов назвал восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева «крестьянскими войнами». «Как ни был терпелив, как ни был консервативен русский

⁵ В проекте программы, составленном перед II съездом партии, Г. В. Плеханов говорил о революционности мелкой буржуазии (и в том числе крестьянства) и ни слова не сказал о ее консервативности и даже реакционности. В. И. Ленин считал, что это «совершенно одностороннее и неправильно» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 228). Расхожились с приведенным высказыванием Г. В. Плеханова и следующие его слова: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации». Что же касается крестьянства, то по этому заявлению от него нечего ждать революционерам, так как на его «тупость» в течение столетий опирался русский царизм (Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 119).

⁶ Плеханов Г. В. Соч. Т. X. С. 119.

крестьянин,— писал Плеханов,— он все же не сдавался без борьбы. Почти каждый шаг правительства на пути порабощения крестьянства сопровождался более или менее значительными крестьянскими восстаниями». В XIX столетии уже не было ни одного такого крупного крестьянского движения, как восстания Разина и Пугачева, «но зато делались все более и более частыми мелкие крестьянские волнения»⁷. В отличие от С. М. Соловьева и большинства других историков, Г. В. Плеханов отмечал в 1880—90-е годы революционный характер крестьянских войн под руководством Разина и Пугачева. Лишь позднее, став меньшевиком, он отказался от господствующих марксистских взглядов по этому вопросу.

Коренному пересмотру во второй период деятельности Плеханов подверг свои прежние народнические представления об исторической роли русской сельской общины. В «Наших разногласиях» длительное существование общины в России вовсе не рассматривалось как следствие «присущих» русскому народу особых «принципов общинного землевладения». Плеханов не находил в общинном быте ничего специфически русского и указывал, что через эту стадию прошли и другие народы. «Деревенская община,— писал Плеханов,— представляет собою не более, как одну из ступеней первобытного коммунизма». Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом он объяснял живучесть общины сравнительно поздним развитием денежного хозяйства и отмечал, что со времени уничтожения крепостного права условия, разлагающие общину, стали быстро развиваться. Организм общины «надломился, и только ослепленные люди не замечают теперь признаков ее разложения». «Сельские общины обнаруживают несомненную живучесть» лишь до тех пор, пока они «не выходят из условий натурального хозяйства», «развитие денежного хозяйства и товарного производства мало-помалу подкапывает общинное землевладение»⁸.

⁷ Там же. Т. II. С. 138; Т. V. С. 4.

⁸ Там же. Т. II. С. 251, 149, 236—237, 239.— Впрочем, взгляды Г. В. Плеханова на историю русской сельской общины к 1894 г. изменились. Если в 1884 г. он рассматривал общину как пережиток первобытного коммунизма, то в 1894 г. прямо указывал, что «совре-

став на позиции марксизма, Г. В. Плеханов писал, что «всякая классовая борьба есть в то же время и борьба политическая. Для того, чтобы уничтожить феодальное общество, буржуазии необходимо было захватить в свои руки политическую власть. Пролетариату придется сделать то же самое для того, чтобы похоронить капиталистическое общество»⁹. Это важное положение Плеханов не раз повторял и обосновывал.

В 1880—90-е годы Плеханов утверждал, что все общественные силы допетровской Руси были «закрепощены на службе» у государства. То, что подобное закрепощение не только сохранялось, но и расширялось после петровских реформ¹⁰, Плеханов объяснял своеобразием русской истории. Правда, последнее выглядело у него иначе, чем у народников. Во-первых, он усматривал своеобразие не в коммунистических инстинктах и не в революционности крестьянства, а лишь в его покорности и забитости и в господстве деспотизма. А, во-вторых, это своеобразие представлялось Плеханову не особенностью России как таковой, а характерной чертой истории азиатских народов и азиатских деспотий.

Народники высоко ценили своеобразие исторических судеб русского народа и видели в нем основание для радужных прогнозов на будущее. Плеханов же рисовал это своеобразие в самых мрачных красках. Азиатство он противопоставлял прогрессу и оптимистические прогнозы на будущее считал возможным строить только при условии европеизации России, преодоления своеобразия русского исторического процесса, перехода от азиатских начал жизни к прогрессивным европейским началам.

«Старая Московская Русь отличалась совершенно азиатским характером,— писал Плеханов.— И ее социальный быт, и ее администрация и психология

менная наша община с переделами не есть» остаток первобытного коммунизма. Под влиянием работ А. Я. Ефименко Г. В. Плеханов пришел к мысли, что русская поземельная община выросла из более древней деревенской организации лишь в период Московского государства и Петербургской империи (Там же. Т. IX. С. 136 и сл.).

⁹ Там же. Т. IV. С. 180.

¹⁰ Там же. Т. III. С. 75.

ее обывателей, — все было в ней совершенно чуждо Европе и очень родственно Китаю, Персии, Древнему Египту»¹¹. Закрепощение всего общества государством, деспотическая форма правления, рабская покорность народа деспотам сближали общественный строй Московской Руси с общественным строем азиатских деспотий. Патриархальные земледельческие общины, абсолютное господство сельского хозяйства и слабое развитие городов и товарного хозяйства являлись экономической основой азиатства России, Китая, Персии, Древнего Египта.

В статьях 1890-х годов В. Г. Плеханов несколько раз обращался к сравнению России с азиатскими деспотиями. Сравнивая положение русского крестьянства с положением египетского феллаха за полторы тысячи лет до нашей эры, он отмечал, что различия наблюдаются «лишь в незначительных частностях. Поля феллаха опустошались крысами и саранчой; поля русского крестьянина опустошаются гессенской мухой, саранчой и овражками. С феллаха подати взыскивались натурой; с русского крестьянина они взыскиваются деньгами. Феллаха чиновники били палками; русского крестьянина бьют преимущественно кулаками. Феллаха секли за недоимки негры и секли пальмовыми ветвями; у палачей русского крестьянства кожа белая, и секут его березовыми розгами. Но зато египетский феллах был привязан к земле; привязан к ней и русский крестьянин. Система „земельного обеспечения“ феллаха обеспечивала прежде всего прочность египетского деспотизма; система „обеспечения“ русского крестьянина обеспечивает (пока обеспечивает) прочность русского царизма. В этом отношении в Древнем Египте все было *comme chez nous* (как у нас. — А. Ш.)»¹².

Сопоставления Древнего Египта с Россией XIX в., проникнутые у Плеханова пафосом неприятия крепостничества и деспотизма, оказывали воздействие на настроение читателя, жившего в условиях царского самодержавия и пережитков крепостничества. Однако отличия социального строя Древнего Египта от само-

державно-крепостнической России автором отмечены не были.

Азиатские формы общественно-экономических и политических отношений Плеханов характеризовал как рутинные, застойные, неподвижные. В этом отношении Россия обладала некоторыми особенностями. «Москва была своего рода Китаем, — писал он, — но этот Китай находился не в Азии, а в Европе. Отсюда — то существенное различие, что между тем как настоящий Китай всеми силами отбивался от Европы, наш московский Китай еще со времен Ивана Грозного с оружием в руках стремился прорубить себе в нее хоть маленькое окошечко. Петру удалось решить эту великую задачу. Он совершил огромный переворот, спасший Россию от окостенения»¹³.

Следует отметить, что сближение социально-политического строя Московской Руси с азиатскими деспотиями Плеханов позаимствовал у В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. Революционные демократы 1840 — 60-х годов часто говорили об азиатстве как о самой мрачной стороне в исторической жизни России. Иногда, правда, они пользовались термином «азиатство» для обозначения самодержавия, о котором нельзя было прямо писать в подцензурной печати. Но они понимали под азиатством не только деспотизм царей, но и раблепство, и покорность народа, и застой общественной жизни. Петровские реформы, например, Белинский высоко ценил не столько за их непосредственные результаты, сколько за то начало прогресса и движения, которое было в них заложено и направлено против мертвящей рутины «азиатства». Чернышевский, в свою очередь, отмечал жизненность европейского начала, привитого России Петром¹⁴.

Вместе с тем, подобно Белинскому и Чернышевскому, Плеханов не склонен был переоценивать непосредственные результаты Петровской реформы. «К азиатскому туловищу Московской Руси „царь-плотник“

¹³ Там же. С. 74; Т. X. С. 154.

¹⁴ Шапиро А. Л. Вопросы русской истории в произведениях Чернышевского // Н. Г. Чернышевский: Сб. статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа / Под ред. А. М. Панкратовой, А. Ф. Абрамовича, И. Т. Виноградова. Саратов, 1939. С. 167.

¹¹ Там же. Т. X. С. 154; Т. III. С. 74.

¹² Там же. Т. III. С. 346.

приделал европейские руки». Он европеизировал только войско и систему государственного управления, для чего «раздавил народ под бременем налогов и довел деспотизм до неслыханной степени могущества». Но «европейские руки» мало-помалу оказали огромное влияние на туловище нашего общественного организма. Из азиатского оно само стало постепенно превращаться в европейское. «Для поддержания учреждений, заведенных Петром в России, нужны были, во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги. Выбивая их из народа, правительство тем самым содействовало развитию у нас торгового производства»¹⁵.

По мнению Плеханова, развитие товарного и капиталистического производства создавало условия для подлинной и радикальной европеизации страны. Московский и петербургский деспотизм опирался на неразвитость сельского населения, а капитализм привел к расстройству старых патриархальных деревенских отношений. Реформа 1861 г. стала важным рубежом на пути преодоления азиатчины и застоя. Развитие новых классов буржуазии и пролетариата положило конец азиатским формам общественной жизни и азиатскому деспотизму в России. «Теперь мы безвозвратно вовлечены в экономическое движение цивилизованного человечества», и как бы кто ни вздыхал «о старой московской обломовщине», ее не воскресит уже никакая сила. «Ты победил, саардамский плотник!» — восклицал Плеханов¹⁶.

Такова общая схема русского исторического процесса, которую отстаивал Плеханов в 1880—90-е годы. В этой схеме подкупала решительность, с которой он клеймил мерзости самодержавно-крепостнического строя, страстность, с которой боролся за преодоление покорности поработанного народа.

Следует также отметить идеи Плеханова о том, что «процесс образования Русского централизованного государства происходил в условиях, близких тем, в которых складывались некоторые восточные деспотии». По словам Л. В. Черепнина, эти соображения Г. В. Плеханова, и в частности «его мысль о близости ряда

черт поместной системы к формам государственной собственности на землю, существовавшей на Востоке», заслуживают серьезного внимания¹⁷. Суждения Плеханова о борьбе «азиатской» и «европейской» моделей развития в русской истории представляют интерес и в свете новейших споров историков о своеобразии исторического процесса в России. При всем том необходимо сказать, что в плехановской схеме закономерность смены общественно-экономических формаций появлялась лишь иногда (преимущественно когда речь шла о капиталистической эпохе), нередко заменяясь сменой азиатчины европеизмом. В этой схеме оказывался в тени или даже вовсе выпадал феодализм, занимавший тысячелетний период русской истории. В написанной в 1884 г. программе группы «Освобождение труда» Плеханов характеризовал добуржуазные общественные отношения в России не как феодальные, а как патриархальные. Он говорил, что трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства¹⁸. И позднее Плеханов отводил феодальным отношениям второстепенную роль в истории России. Трудно согласиться с плехановской характеристикой экономического строя допетровской и даже петровской России как строя патриархальных земледельческих общин. Ведь сами сельские общины давно стали элементом феодального общественного строя, а в недрах феодального общества с XVII столетия уже складывался всероссийский национальный рынок¹⁹.

В 1880—90-е годы Плеханов выступил с серией статей, посвященных истории русской общественной мысли и революционного движения. Работы эти имели большое политическое значение, так как марксистскому течению в русском революционном движении

¹⁷ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 97.

¹⁸ Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 359.

¹⁹ Не совсем понятно также, как Г. В. Плеханов согласовывал заимствованное в 1890-е годы у А. Я. Ефименко положение о позднем появлении русской мирской общины со своим положением о древности патриархальных земледельческих общин. Быть может, он имел в виду древние семейные общины, предшествовавшие, по мнению Ефименко, мирским общинам.

¹⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 75.

¹⁶ Там же. Т. X. С. 155.

необходимо было ясно определить свое отношение к старым революционным традициям, к революционному наследству. Требовалось подвергнуть решительной критике традиционные воззрения, мешавшие дальнейшему развертыванию революционной борьбы, и в то же время сохранить лучшие традиции русской прогрессивной общественной мысли, революционного движения. Блестящие работы Плеханова в значительной степени способствовали решению этих задач, являлись одновременно ценным вкладом в историографию русской общественной мысли и революционного движения.

В 1900 г. Плеханов произнес речь, посвященную семидесятипятилетию восстания декабристов; по подбору использованного материала, по блестящему стилю она стала одним из самых значительных произведений русской исторической публицистики. Кроме того, как справедливо отметила М. В. Нечкина, эта речь восстанавливала революционную традицию в изучении восстания декабристов, поскольку с того момента, «как выпало перо из рук А. И. Герцена и Н. П. Огарева, революционная традиция в исследовании декабристов» заметно снижалась и глохла²⁰. Либеральный историк А. Н. Пыпин характеризовал декабристов как людей, чуждых революции, как мечтателей, придерживавшихся тех же идей, что и молодой Александр I или Сперанский. В. О. Ключевский, со своей стороны, называл декабристов исторической случайностью. Плеханов не дал в своей речи глубокого классового анализа декабристского движения, но он развил мысль Герцена о том, что это было благородное революционное движение.

«С тех пор прошло 75 лет, — говорил Плеханов, — и много других казней видело наше несчастное отечество, много других жертв принесено было делу русской свободы! Но имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина останутся в памяти всех свободолюбивых русских людей, как имена первых из тех наших — увы! многочис-

ленных — мучеников, которые жизнью заплатили за свои революционные стремления. Мы, социал-демократы, помним имена этих мучеников, по-своему преследуя ту самую цель, к которой они стремились всем сердцем и всем помышлением»²¹.

В юбилейной речи о декабристах Плеханов охарактеризовал А. Н. Радищева как самого яркого представителя освободительных стремлений XVIII в. «В лице Радищева, — говорил Г. В. Плеханов, — мы, может быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из «интеллигенции»²².

Написанные в 1890-е годы работы Плеханова о Белинском были направлены против попыток либералов присвоить наследие этого выдающегося и любимого молодежью деятеля. Либералы отказались замечать в «неистовом Виссарионе» революционера, борца против филистерства и либеральной умеренности, затушевывали его социалистические и материалистические взгляды. Признавая Белинского видным литературным критиком, либерально-народнические писатели не считали его более или менее крупным представителем русской философской мысли, а Н. К. Михайловский даже объявил философские идеи Белинского «сплошным вздором».

Плеханов указывал, что Белинский был великим мыслителем, замечательным диалектиком. Он отвел Белинскому первое место в истории русской философской мысли домарковского периода. Плеханов показал, что философские искания Белинского вытекают из его стремления найти верный путь к счастью и процветанию народных масс, найти научно обоснованный ответ на животрепещущие вопросы социально-политической жизни.

Главнейший предмет умственной работы Белинского Плеханов определил как «отрицание абстрактного утопического идеала», как поиски опоры своим революционным устремлениям в законах развития общественной жизни²³. После мучительных срывов

²¹ Плеханов Г. В. Соч. — Т. X. С. 371.

²² Там же. С. 357.

²³ Там же. С. 349.

²⁰ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 18.

Белинский понял, что революционная идея отрицания существующего строя должна быть выделена не из фантастических идеалов, а из непреложных законов исторического развития. Теоретическое наследство Белинского использовалось Плехановым для борьбы против народников, которых он именовал дон-кихотами. Яркую речь, произнесенную в 1898 г. в связи с 50-летием со дня смерти Белинского, философ-марксист закончил критикой народников, которые, по его словам, отворачивались от законов истории и строили свою программу на утопических, абстрактных идеях²⁴.

До Плеханова считалось, что Белинский после увлечения Гегелем оставил гегелевскую философию, «раскланялся с его философским колпаком» (как говорил сам «неистовый Виссарион»). Плеханов показал, что Белинский отбросил только консервативную сторону философии Гегеля, но усвоил ее в «более глубоком значении, т. е. как «алгебру революции». Белинский глубоко понял Гегелеву диалектику. «Со времени так называемого разрыва с Гегелем начался тот последний фазис развития Белинского, в котором он является таким решительным революционером»²⁵. Плеханов увидел также материалистические черты философии позднего Белинского и пришел к выводу о том, что мысль «неистового Виссариона» работала в том же направлении, что и мысль передовых мыслителей Запада.

Показывая, что Белинский был революционером и в своих философских и социально-политических исканиях шел к диалектическому материализму, Плеханов обосновывал право социал-демократии на его наследие и использовал это наследие в борьбе с либералами и народниками.

Одним из самых любимых В. Г. Плехановым общественным деятелем являлся Н. Г. Чернышевский, неоднократно выступавший в плехановских работах 1880—90-х годов как непримиримый враг «нашего старого порядка» и поборник революционной борьбы. Плеханов с сочувствием приводил характеристики,

которые Чернышевский давал трусости, недалекости, узости взглядов, бездеятельности и болтливой хвастливости либералов. «Нам никогда не случилось читать такой злой и вместе до такой степени мелкой характеристики российского либерализма, как характеристика, данная В. Г. Чернышевским в «Современнике», — писал Плеханов. И далее он отмечал: «Русские либералы мало изменились с того времени, когда «Современник» осыпал их своими сарказмами»²⁶.

Плеханов подробно разобрал философские, политические, экономические, исторические, литературные взгляды Чернышевского и нашел в них «жизнеспособный зародыш материалистической диалектики»²⁷. Он привел немало примеров материалистического объяснения исторических явлений из произведений Чернышевского и противопоставил их идеалистическим объяснениям истории, которых также много у Чернышевского, как и у других социалистов-утопистов и философских материалистов домарковского периода.

Плеханов говорил, что теоретическая мысль Чернышевского развивалась в том же направлении, что и теоретическая мысль Маркса и Энгельса, предшественником которых Чернышевский являлся. В 1880-е годы он даже назвал Чернышевского родоначальником «русской социальной демократии»²⁸. В работах Белинского и Чернышевского, как считал Плеханов, русская общественная мысль домарковского периода достигла своего высшего уровня. Когда Чернышевский умер, уровень русской общественной мысли и публицистики «страшно понизился». Эта оценка творческой работы великих революционных просветителей 1840—60-х годов совпала с позднейшей оценкой В. И. Ленина, который с похвалой отозвался о написанных в 1890-х годах статьях Плеханова и указал, что в них вполне оценено значение Чернышевского и выяснено «его отношение к теории Маркса и Энгельса»²⁹.

Но Плеханов в своих работах не определял классовой природы революционно-демократического направ-

²⁶ Там же. Т. V. С. 85—86.

²⁷ Там же. С. 231.

²⁸ Там же. Т. II. С. 19.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 259.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 339.

вления в русской общественной мысли. Отметим, что Белинский, Чернышевский и Добролюбов были представителями разночинной интеллигенции, Плеханов не увидел в них «мужицких демократов» и не говорил о зависимости их настроений от настроений крепостных крестьян. Плеханов не ставил вопроса о том, как усиление освободительного движения народных масс влияло на развитие общественной мысли и философии в стране.

Почетное место Плеханов занял в историографии народничества. Опираясь на критический разбор, которому основоположники марксизма подвергли различные направления западного и русского утопического социализма, В. Г. Плеханов отмечал ограниченность социологических и политических взглядов М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, Н. К. Михайловского, В. П. Воронцова и др.

Если классовый характер русского революционного движения 1840—60-х годов не был раскрыт Плехановым, то о классовом характере народнического движения этого сказать нельзя. Еще в «Наших разногласиях» легальные народники рассматривались как выразители интересов «той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистического принципа и кулацкой наживы»³⁰. В 1890-е годы Плеханов указывал, что «народничество было лишь особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма». Программа народников, по его мнению, направлена на защиту интересов мелкой буржуазии, и если бы «когда-нибудь, по щучьему велению», она воплотилась в жизнь, это «вызвало бы небывалый расцвет мелкой буржуазии», а затем путем конкурентной борьбы «в рядах мелкой буржуазии привело бы к торжеству того самого крупного капитала, от ужасов которого наша интеллигенция искала спасения в теоретических болотах народничества»³¹.

При этом Плеханов сближал народничество со славянофильством, никогда не отражавшим интересы сельской или городской мелкой буржуазии. Славянофилы, как и народники, идеализировали русскую

общину, но они не были социалистами; говоря о самобытности, представители славянофильства имели в виду отнюдь не «бунтарские» и «коммунистические инстинкты» русского народа, на которые уповали революционные народники. Таким образом, больших оснований утверждать, что во взглядах славянофила Самарина «заключается an sich (в себе. — А. Ш.) почти все русское народничество»³², у Плеханова не было. В отличие от Ленина, он не находил в идеологии народничества теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «русского».

Немало внимания Плеханов как исследователь уделял Герцену и Огареву как родоначальникам народнической теории, идейным связям между шестидесятниками и народниками, характеристике «Земли и воли», «Черного передела».

Одним из первых Плеханов показал, что при столкновении с практической жизнью «русское народничество довольно скоро захромало на все ноги», что народникам пришлось расстаться сначала с мыслью о крестьянской революции, а затем — и с мыслью о захвате власти³³.

В то же время Плеханов стремился выделить зловредное, ценное ядро в революционном наследии народников. «В старой марксистской литературе 80-х годов прошлого века, — отметил Ленин, имея в виду Плеханова, — можно найти систематически проведенное стремление выделить это ценное демократическое ядро... из шелухи народнических утопий»³⁴. Не соглашаясь с некоторыми отзывами и оценками, которые Плеханов давал народникам в 1883—1903 гг., мы высоко оцениваем его вклад в историографию народничества.

В последний период теоретической деятельности Плеханов отказался от некоторых традиционных марксистских трактовок русского исторического процесса. Однако было бы ошибочным утверждать, что

³⁰ Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 255.

³¹ Там же. Т. III. С. 251.

³² Там же. Т. IX. С. 14.

³³ Там же. Т. III. С. 252.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 121.

после 1903 г. им не были написаны марксистские работы, касавшиеся русской истории. Так, в 1880—1890 гг. Плеханов указывал, что Белинский и Чернышевский были предшественниками социал-демократии в России; в 1911—1912 гг. он выступил с серией статей о Герцене, в которых подчеркнул, что «ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а стало быть, и Маркса»³⁵. По словам Плеханова, Герцен сочувствовал всем сердцем социализму, но, с другой стороны, начал сознавать шаткость его утопической основы и делал «оставшиеся безуспешными, но все-таки в высшей степени замечательные попытки» поставить социализм на прочный фундамент науки. Проследив за развитием философских взглядов Герцена, Плеханов отметил, что автор почувствовал несостоятельность исторического идеализма, но не смог из-за экономической отсталости России и неполного знакомства с экономикой Запада сделать историческим материалистом³⁶.

Одновременно с работами о Герцене Плеханов написал интересные статьи о М. П. Погодине и славянофилах. В них были разобраны теоретические основы учения о самобытности и особенностях русского исторического процесса, доказывалось, что Погодин и славянофилы находили эти особенности там, где их на самом деле не было. В годы реакции, наступившей после поражения революции 1905—1907 гг., среди представителей интеллигенции, как известно, получила определенное распространение религиозная точка зрения И. В. Киреевского и других славянофилов. В этих условиях плехановская критика славянофильства приобрела актуальное политическое звучание. Важное значение имели и выступления Плеханова против философско-исторических идей веховцев, махистов, богоискателей.

Необходимо заметить, однако, что ограничивая роль рабочего класса в революции поддержкой буржуазии и призывая пролетарскую демократию к союзу с либералами, Плеханов начал менять свою оценку либерализма и в целом в русской истории. В 1880—

90-е годы он резко критиковал и высмеивал представителей этого течения, отмечая, что они либеральничали «в меру своих сил, т. е. очень скромно»³⁷.

Плехановский труд о Чернышевском, написанный в 1890-е годы, где он с сочувствием цитировал резкую характеристику либерализма, данную Чернышевским, в 1910 г. был дополнен, переработан и вновь издан, причем некоторые оценки либерализма, которые имелись в первом издании, оказались здесь явно смягченными. В новом издании, в частности, исчезла фраза о том, что русские либералы изменились после того, как «Современник» осыпал их своими сарказмами. На это изменение обратил внимание В. И. Ленин, сопоставивший текст обоих изданий³⁸.

При чтении книги Ленин обратил внимание и на то, что «из-за теорет[ического] различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плех[анов] в просмотрел практич[ески]-полит[ическое] и классовое различие либерала и демократа»³⁹. Перенося центр тяжести на теоретическую деятельность Белинского, Герцена и Чернышевского, Плеханов гораздо меньше внимания уделил их политической деятельности. При анализе теоретических взглядов русских революционных демократов он игнорировал зависимость этих взглядов от классовых нужд и интересов крепостного крестьянства и все более подчеркивал зависимость их идей от западноевропейской общественной и философской мысли.

Изменились в последний период жизни Г. В. Плеханова и его взгляды на историческую роль крестьянства. До 1903 г. эти взгляды были неопределенными и даже противоречивыми. Но Плеханов не отрицал тогда, что крестьяне смогут принять активное участие в предстоящей буржуазно-демократической революции, рассматривал движения Разина и Пугачева как крестьянские войны, признавал их революционный характер. Однако после 1909 г. он уже писал: «Когда крестьянин требовал отобрания земли у помещиков, и даже когда он сам принимался отбирать ее, он вел себя не как ре-

³⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. XXIII. С. 377.

³⁶ Там же. С. 407—408.

³⁷ Плеханов Г. В. Соч. Т. IX. С. 26.

³⁸ Ленинский сборник. XXV. С. 206—244.

³⁹ Там же. С. 231.

волюционер, а, напротив, как самый убежденный охранитель»⁴⁰. Крестьянство, по Плеханову, лишь отстаивало исконную государственную собственность на землю от помещичьей узурпации и добивалось, чтобы царь осуществил «черный предел» в соответствии со стародавними обычаями. Крестьянство у Плеханова выступало теперь как консервативная, антиреволюционная сила.

В соответствии с этой оценкой крестьянства Плеханов стал трактовать движения Болотникова, Разина и Пугачева как казацкие восстания, а не как крестьянские войны. Он противопоставил эти казацкие восстания освободительному движению городских общин и третьего сословия в передовых странах Западной Европы, утверждая, что первые не содействовали торжеству новых производственных отношений и нового общественно-политического порядка и, следовательно, не носили прогрессивный характер⁴¹.

В 1909 г. Г. В. Плеханов получил от одного из книгоиздательств предложение написать историю русской общественной мысли. Над этим произведением он трудился до конца своей жизни и не успел его закончить, доведя изложение до конца XVIII в., причем главу о Радищеве написал не полностью⁴². Для оценки взглядов Плеханова на ход исторического развития России особое значение имеет введение к «Истории русской общественной мысли», где вновь подверглась рассмотрению старая проблема: Россия и Запад. Рассмотрев некоторые соображения, которые по этому поводу высказали Соловьев, Ключевский, Павлов-Сильванский и другие русские историки, Плеханов пришел к выводу, что их односторонние сравнения России с Западом необходимо дополнить сравнением России с Востоком: «...чем более своеобразным стал ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран, — и на-

⁴⁰ Плеханов Г. В. Соч. Т. XX. С. 112.

⁴¹ Там же. С. 101—104.

⁴² Статьи о Герцене, Белинском, славянофилах, Погодине и некоторые другие, написанные в период подготовки «Истории русской общественной мысли», являлись материалами к тем разделам труда, которые должны были быть посвящены XIX в.

оборот»⁴³. Этой своей старой мысли Г. В. Плеханов придал большое значение, подчеркнул ее.

Во введении к «Истории русской общественной мысли» ее автор объяснял, какими причинами были вызваны «европейские недочеты русской жизни» и ее сближение с бытом и строем восточных деспотий. К числу таких условий он относил прежде всего географическую среду. Однообразие природы русской равнины приводило к однообразию занятий, а слабость дифференциации занятий — к экономической отсталости. «...Предположим, — писал Плеханов, — что мы иреем дело с общиной земледельцев, находящейся в ровной, со всех сторон открытой и ненаселенной местности. Когда наша община почувствует „земельную тесноту“ вследствие возрастания числа ее членов, тогда часть их покинет свою деревню и образует новый поселок. Когда он увеличится настолько, что ему уже недостаточно будет окружающей его земли при старых приемах сельского хозяйства, он тоже выселит „на новые места“ часть своих жителей. „На новых местах“ повторится та же история и т. д. и т. д... Что же получится? Получится много деревень, обрабатывающих землю с помощью старых приемов. Заселенная таким образом местность окажется, может быть, довольно зажиточной, но уровень ее экономического развития будет все-таки очень низок»⁴⁴.

На первых страницах «Истории русской общественной мысли» он отмечал, что особенности истории России определялись особенностями ее социально-экономического развития. При этом Плеханов уделил первостепенное значение темпам развития производительных сил, а влиянием географической обстановки интересовался, как сам указывал, главным образом потому, что последняя «замедляет или ускоряет рост производительных сил»⁴⁵.

Плеханов писал: «Климат, т. е. географическая среда, влияет на отдельных членов общества, главным образом, — чтобы не сказать *исключительно*, — через посредство среды *общественной*: свойствами геогра-

⁴³ Плеханов Г. В. Соч. Т. XX. С. 14.

⁴⁴ Там же. С. 35—36.

⁴⁵ Там же. С. 3.

фической среды определяется более или менее быстрое развитие производительных сил, а от степени развития производительных сил зависит в последнем счете весь строй общества, т. е. все свойства общественной среды, обуславливающие собою стремления, чувства, взгляды,— словом, всю психику отдельных людей. Таким образом, влияние географической среды на этих людей, считавшееся когда-то *непосредственным*, на самом деле оказывается лишь *косвенным*»⁴⁶. Однако в дальнейшем Плеханов во многом сводил конкретный анализ особенностей социально-экономического развития России и влияния, которое на это развитие оказывала географическая среда, к теории определяющего влияния плотности населения на экономический строй страны и к связанной с ней теории «бродячей» Руси.

История России являлась, по Плеханову, «историей страны, колонизовавшейся при условиях натурального хозяйства». Отсюда однообразие занятий, постоянная подвижность населения, низкий уровень общественного разделения труда, медленный рост городов, живучесть патриархальных отношений, экономическая отсталость. Колонизация и однообразие занятий мешали углублению тех классовых различий, которые возникали вследствие общественного разделения труда, «а это значит, что, благодаря указанным условиям, внутренняя история России не могла отличаться интенсивною взаимною борьбою общественных классов»⁴⁷. Плеханов отводил общественным классам и классовой борьбе в Древней Руси второстепенное место.

Особенности русского исторического процесса Плеханов связывал не только с малой плотностью населения и непрерывной колонизацией страны. Вслед за С. М. Соловьевым он объяснял эти особенности и необходимостью обороняться от степняков-кочевников. Соловьевская теория борьбы леса со степью заняла весьма важное место в построениях Плеханова. По его мнению, чтобы обезопасить себя от нападений кочевников, обитатели русских деревень поддерживали всеми зависящими от них средствами усиление центральной власти, взявшей в свои руки оборону страны. «Соби-

⁴⁶ Там же. С. 28.

⁴⁷ Там же. С. 84.

рание» Руси московскими князьями шло успешно благодаря сочувствию народа. «Но в то же самое время северо-восточные русские земледельцы, рассеянные в лесной глуши и разбитые на крошечные поселки, были бессильны против притязаний и злоупотреблений этой, их же нуждами и их же сочувствием укреплявшейся, центральной власти»⁴⁸.

Таким образом, равнинность страны и необходимость обороняться от кочевников толкали Россию на восточный, азиатский путь исторического развития с неограниченной деспотической властью государства, с неразвитыми классовыми противоречиями и слабостью классовой борьбы, с медлительностью общественного развития, «вялостью общественной мысли» и государственным закрепощением сословий. Сравнение общественно-политического строя Московского государства со строем западноевропейских стран привело Плеханова к следующему выводу: государство это отличалось от западных тем, что закрепостило не только низший, земледельческий, но и высший, служилый класс. В этом отношении оно приближалось по типу к восточным государствам, от которых отличалось тем, что наложило на закрепощенное население еще более тяжелое иго, чем восточные деспоты.

Тезисы об азиатстве русского исторического процесса и о закрепощении сословий государством были приняты Плехановым давно, но в поздних работах они приобрели новые черты.

Указанные тезисы использовались автором и для подкрепления своих политических воззрений. Плеханов говорил о необходимости ликвидировать «недочеты европейской жизни», завоевать европейскую конституцию и лишь по прошествии длительного срока, после ликвидации азиатских общественных отношений и установления европейского буржуазно-конституционного строя готовиться к социалистической революции. Тезис об азиатском пути исторического развития России и об опоре самодержавия на азиатские крестьянские общины использовался им для доказательства реакционности крестьянства и обоснования опасений, как

⁴⁸ Там же. С. 76.

бы азиатское крестьянство не остановило европеизацию России.

Таким образом Плеханов в своих поздних работах оказался под определенным влиянием государственной школы в историографии. Однако его исторические идеи в целом развивались в русле марксистской мысли и сыграли заметную роль в борьбе идей в отечественной исторической науке.

Лекция 42

«СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА» Н. А. РОЖКОВА

Одним из первых профессиональных историков, считавших свои концепции русской истории марксистскими, был Николай Александрович Рожков (1868—1927).

В гимназические годы он испытал влияние революционно настроенной молодежи, хотя был тогда «далек от какой-либо революционной практики». В период учения в Московском университете (1886—1890 гг.) будущий историк участвовал в студенческих волнениях и собраниях кружков, из которых затем вышли марксисты¹. Однако в 1890-е годы и в начале 1900-х годов Рожков не стал революционером и по своим политическим взглядам скорее мог быть отнесен к левому крылу либерально-буржуазной интеллигенции. Увлеченный бурным революционным потоком, он вступил весной 1905 г. в РСДРП и примкнул к большевикам. На V (Лондонском) съезде РСДРП Рожков был избран в ЦК партии, а в начале работы III Государственной думы являлся представителем ЦК в думской социал-демократической фракции. Царское правительство преследовало Рожкова; он неоднократно арестовывался, а в 1909 г. был выслан в Сибирь.

Затем историк разошелся с большевиками; в 1917 г.

¹ Рожков Н. А. Автобиография // Каторга и ссылка. Кн. 32. М., 1927. С. 161.

он — в рядах меньшевиков. После революции арестовывался ЧК; стоял вопрос о его высылке. Однако Политбюро РКП(б) в 1922 г. постановило высылку Рожкова отложить, нанеся в газете «Известия ВЦИК» его заявление о выходе из меньшевистской партии².

Интерес к социально-экономическим проблемам, возникший у Рожкова благодаря университетскому учителю В. О. Ключевскому, значительно возрос под влиянием «легального марксизма». Не случайно в качестве магистерской диссертации Рожков представил книгу «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» (М., 1899). Несмотря на то, что Россия была аграрной страной, история ее сельского хозяйства была изучена слабо. Вопросами сельского хозяйства XVI в. исследователи специально не занимались. Поэтому книга Рожкова имела существенное значение. Автор не ограничился рассмотрением агротехнических вопросов (севообороты, удобрение, урожайность, орудия труда и др.), а подошел к проблемам сельского хозяйства с социально-экономической стороны. С такой тщательностью и масштабом, как Рожков, никто до него не обследовал писцовые книги XVI в. Помимо опубликованных материалов, автор привлек около ста неизданных писцовых книг, а также другие печатные и рукописные материалы.

Рожков был одним из первых, кто отказался от иллюстративного метода использования писцового материала и попытался подвергнуть его статистической обработке. В. И. Сергеевич упрекал Н. А. Рожкова за то, что тот «не довольствуется обыкновенными способами исследования», а желает достигнуть более точных результатов и выражает свои выводы в цифрах. Рожкову мало, по словам Сергеевича, указать на нескольких примерах, каковы были размеры господских запашек или крестьянских наделов, он стремится разделить их «абсолютные и относительные размеры»³. Сергеевич назвал статистическую обработку писцового материала делом безнадежным.

Сам Н. А. Рожков не всегда мог достаточно точно

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 669. Прим. 521; С. 319—320.

³ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1—3. Т. 3. СПб., 1911. С. 476.

- Немировский А. И.—27, 31, 39, 40, 42
 Нестор—7, 58, 61, 76, 77, 134, 180, 181, 185, 251, 252, 264, 272—275, 307, 367, 368, 371, 375, 649, 653
 Нестор Искандер—122, 134, 135
 Нецаев С. Г.—451
 Нечкина М. В.—5, 6, 314, 488, 500, 530, 531, 536, 537, 542, 548, 561, 624, 696, 725
 Нибур Б. Г.—337, 339, 354, 357, 358, 369
 Никитский А. И.—578
 Николаев П. А.—302
 Николаева А. Т.—238
 Никон, игум. с 1074—58, 64, 374
 Новиков Н. И.—4, 229, 261—264, 269, 294, 295, 319, 524
 Носов С. Н.—383, 387
 Обнорский С. П.—655
 Овчинников Р. В.—331
 Огановский Н. П.—554—556
 Огарев Н. П.—320, 442, 696, 701
 Орлов А. С.—114
 Орлов М. Ф.—314, 323
 Оуэн Р.—503
- Павлов-Сильванский Н. П.—328, 495, 541, 561, 623—636, 638, 670, 673, 678, 704, 729, 730, 732, 745, 746
 Павлова Г. Е.—314
 Палович Д. А.—602
 Панин Н. И.—319, 442
 Панкратова А. М.—693
 Пархоменко В.—646
 Пашуто В. Т.—387
 Пекарский П. П.—191
 Пелагий—50
 Пересветов И. С.—122—124, 128, 134, 135, 740
 Пестель П. И.—318, 319, 562, 635, 696
 Петрушевский А. Ф.—508
 Пештич С. Л.—5, 133, 139, 162—165, 178, 182, 185—188, 227, 252, 253, 255
 Пирумова Н. М.—441
 Писарев Д. И.—203, 454, 492
 Пячета В. И.—137, 685
 Платон—34, 36, 52, 158, 224, 347, 467
 Платонов С. Ф.—542, 577, 589—594, 740
 Плетников Ю. К.—471
 Плеханов Г. В.—2, 152, 153, 190, 206, 207, 297, 378, 384, 394, 436, 440, 442, 481, 501, 515, 516, 535, 550—552, 604, 606, 686—708, 729, 745, 746
 Плимак Е. Г.—283, 288, 289
 Плутарх—40—42, 106
 Погодин М. П.—169, 296, 297, 355, 361, 362, 371—384, 392, 398, 401, 402, 405, 426, 459, 520, 543, 640, 650, 665, 702, 704
 Покровский М. Н.—2, 4—6, 312, 410, 411, 458, 558, 596, 617, 622, 638, 639, 670, 676, 718, 724—746
 Полевой Н. А.—335, 357—364, 366, 405
 Полибий—30, 35—40, 46, 104, 132
 Поликарпов-Орлов Ф. П.—163
 Полуниин Ф. А.—254
 Полухин Л. К.—459
 Помяловский Н. Г.—447
 Порох И. В.—401
 Посошков И. Т.—634
 Пресняков А. Е.—66, 109, 115, 193, 482, 498, 580, 596, 625, 629, 636—647, 673, 674, 678, 745
 Приселков М. Д.—5, 75—77, 84, 92, 112, 186, 657
 Прокопий Кесарийский—52
 Пропл В. Я.—15, 16, 18, 20
 Прудон П. Ж.—468
 Прыжов И. Г.—451—453
 Пуфендорф С.—150, 151, 155, 171, 174, 181
 Пушкин А. С.—42, 76, 219, 286, 287, 296, 306, 314, 318, 320—339, 355, 363, 364, 366, 374, 439, 442, 446, 524, 525, 574
 Пушин И. И.—442
 Пышин А. Н.—377, 664, 696
- Рабле Ф.—95
 Радищев А. Н.—201, 228, 229, 243, 278—290, 314, 317, 319, 320, 333, 338, 366, 439, 442, 635, 665, 670, 697, 704
- Ранке Л. фон—345, 346, 398, 417, 674, 679
 Ревакина Н. В.—95
 Редер Д. Г.—24, 25
 Резнов Б. Г.—344
 Ренан Ж. Э.—505
 Робинсон А. Н.—138, 139
 Рогов А. И.—134
 Роджерс Дж. Э. Т.—485, 566
 Рожков Н. А.—492, 498, 499, 533, 590, 597, 599, 661, 670, 708—723, 728, 740, 746
 Романов Б. А.—77—79, 637, 638
 Рубан В. Г.—254, 255
 Рубинштейн Н. Л.—5, 253, 277, 638
 Румянцев Н. П.—264, 355, 356
 Руссо Ж. Ж.—203, 219, 280, 281, 293, 294, 296, 304, 344, 378
 Рутенбург В. И.—105
 Рылев К. Ф.—309, 318, 362, 696
- Сабуров А. А.—510
 Салтыков—Щедрин М. Е.—524
 Самарин Ю. Ф.—386, 387, 393, 443, 701
 Сафронов Б. Г.—487
 Сахаров А. М.—6
 Святловский В. В.—615, 622
 Семеновский В. И.—550, 553, 556, 563
 Сен-Симон К. А.—343, 489, 503, 722
 Сеньобос III—682
 Сергеевич В. П.—431—433, 500, 640—642, 644, 678, 709
 Сидоров А. Л.—5
 Сильвестр—58, 264, 375, 653
 Симеон Полоцкий—261
 Смирнов И. П.—593
 Смирнов П. П.—621
 Смит А.—223, 224, 264, 265, 269
 Соболевский А. И.—646
 Соколов О. Д.—6, 726
 Соколов В. К.—20, 21, 22
 Соловьев В. С.—340, 418, 521—525
 Соловьев С. М.—4, 5, 197, 202, 232, 252, 277, 371, 390, 394, 397—400, 403—418, 421, 422, 426, 428—430, 432, 437, 439, 444, 445, 462, 463, 481, 482,
- 484, 500, 505, 521, 525, 530—532, 535—538, 540, 543, 545, 551, 564, 575, 579, 640—644, 690, 704, 706, 723, 739
 Софинов П. Г.—278
 Софокл—224
 Спенсер Г.—489, 495, 499, 624, 673
 Сперанский М. М.—298, 340, 379, 441, 543, 664, 696
 Сперанский М. Н.—135
 Спиноза Б.—148, 502
 Спирidon-Савва—114
 Станкевич Н. В.—367, 450, 671, 672
 Стеблин-Каменский М. И.—9, 10, 12
 Стеклов В.—189
 Стров П. М.—356, 367, 650
 Струве В. В.—24, 25
 Струве П. Б.—571, 603—610, 612, 614, 615, 618, 627, 670, 733, 737
 Стрыйковский М.—134, 138
 Субботина Т.—615
 Сумароков А. П.—746
 Сухоруков В. А.—314
 Сыма-Цянь—36
 Сытин И. Д.—686
- Татищев В. Н.—7, 141, 162, 165—188, 192, 196, 199, 200—202, 227, 231, 233, 234, 237, 243, 244, 247, 248, 250, 252, 261, 264, 272, 284, 307, 308, 315, 319, 365, 366, 368
 Татищев С. С.—518
 Тахо-Годи А. А.—40
 Тацит—9, 42, 43, 142, 273, 299, 309
 Твардовская В. А.—520
 Тивериадский Л. С.—195
 Тимирязев К. А.—681
 Тимофеев Иван—126, 128, 129
 Тихомиров М. Н.—5, 59, 87, 92, 126, 139, 169, 178, 179, 186, 188, 278, 371, 377, 488
 Ткачев П. Н.—700
 Токарев С. А.—11
 Толстой Л. Н.—353, 396, 508—511, 513, 574
 Томашевский Б. В.—322, 335, 336

Предисловие	3
Лекция 1. Арханческая мифология и арханческий эпос — предшественники историографии	8
Лекция 2. Становление исторической мысли. Античная историография	23
Лекция 3. От античного прагматизма к средневековому провиденциализму	47
Лекция 4. Историография Киевской Руси. «Повесть временных лет»	58
Лекция 5. Летописание в период феодальной раздробленности и на ранних этапах формирования единого Русского государства (XII — середина XV в.)	82
Лекция 6. Историография эпохи Возрождения	93
Лекция 7. Историография в едином Русском государстве второй половины XV — начала XVII в.	109
Лекция 8. Русская историография второй половины XVII в.	131
Лекция 9. Теория естественного права и общественного договора. Развитие историографии в XVII — начале XVIII в.	141
Лекция 10. Петровские реформы и русская историография. В. Н. Татищев	162
Лекция 11. М. В. Ломоносов и его борьба с норманской теорией. Г. Ф. Миллер	189
Лекция 12. Просветительская историография XVIII в.	202
Лекция 13. Дворянская историография второй половины XVIII в.	226
Лекция 14. Буржуазные тенденции и просветительство в русской историографии второй половины XVIII в.	253
Лекция 15. А. Н. Радищев и начало революционной историографии в России	278
Лекция 16. Сентиментализм в историографии. Н. М. Карамзин и его «История Государства Российского»	293
Лекция 17. Исторические взгляды декабристов и А. С. Пушкина	314
Лекция 18. Развитие методологических основ исторической науки в первой трети XIX в.	339
Лекция 19. Русская историография 1825—30-х годов	355
Лекция 20. Теория официальной народности. М. П. Погодин	373
Лекция 21. Исторические взгляды славянофилов	383
Лекция 22. С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин	397

Лекция 23. Б. Н. Чичерин и оформление государственной теории. В. И. Сергеевич	419
Лекция 24. Демократическое направление в русской историографии 1840—60-х годов	434
Лекция 25. Исторические особенности русского народа, по А. П. Шанову. Исторические особенности русского и украинского народов, по Н. И. Костомарову	453
Лекция 26. К. Маркс, Ф. Энгельс и развитие теории исторического процесса	466
Лекция 27. Теоретические поиски историографии во второй половине XIX в. Позитивизм	481
Лекция 28. Роль личности в историографии XIX в.	502
Лекция 29. Консерватизм и национализм в историографии конца XIX — начала XX в. Проблема этнических особенностей русского народа	517
Лекция 30. В. О. Ключевский	529
Лекция 31. Народническая историография. В. И. Семевский	550
Лекция 32. П. П. Милоков и попытки нового обоснования государственной теории	564
Лекция 33. Особенности государственной теории в работах А. С. Ляпуна, Дашевского, М. М. Богословского и А. А. Кизелеттера	577
Лекция 34. Особенности государственной теории и анализ социально-экономических отношений в трудах С. Ф. Платонова, М. А. Дьяконова и Ю. В. Готье. Ранние работы С. В. Бахрушина и Б. Д. Грекова	589
Лекция 35. «Экономический материализм» в русской историографии, исторические работы «легальных марксистов»	602
Лекция 36. Общинный, феодальный и государственный периоды в схеме Н. П. Павлова-Сильванского	623
Лекция 37. Критика А. Е. Пресняковым традиционных взглядов на историю Древней Руси	636
Лекция 38. Развитие исторического источниковедения. А. А. Шахматов	648
Лекция 39. Историография начала XX в. о революционном движении в России	663
Лекция 40. Методологические проблемы в русской историографии начала XX в.	673
Лекция 41. Эволюция взглядов Г. В. Плеханова на русскую историю	686
Лекция 42. «Социальная динамика» Н. А. Рожкова	708
Лекция 43. Марксизм в русской историографии. М. Н. Покровский	724
Именной указатель (сост. В. А. Симина)	749